

Сталинград на Днестре (фрагмент)

В местечке Стеблев, лежащем рядом с Корсунем, в районной больнице больше тридцати лет работал главным врачом старый опытный хирург Иван Павлович Янчевский. Жена его служила фельдшерницей в той же больнице, а единственный их сын Павлик учился в десятом классе Стеблевской средней школы. Это был живой и развитой шестнадцатилетний юноша, один из лучших учеников, большой любитель чтения, завзятый спортсмен, хороший, веселый товарищ.

В первые дни войны Павлик, как и другие мальчики, хотел пойти добровольцем на фронт, но потом переменял решение. «Я буду партизаном, – говорил он родителям и школьным друзьям. – Если сюда придут фашисты, я начну действовать у них в тылу».

Тогда на это никто не обратил внимания – слова Павлика приняли за обычное мальчишеское хвастовство. Только гораздо позднее все, кто знал этого мальчика, поняли, что он принадлежал к числу людей, не бросающих слов на ветер.

Когда немецкие войска подходили к Киеву, семья врача собралась было эвакуироваться, но Ивану Павловичу предложили задержаться – в больницу поступали раненые фронтовики, и он, как хирург, нужен был на месте. Янчевские так и не успели выехать из Стеблева.

Старый врач сразу же приютил в больнице нескольких бежавших из плена советских офицеров. Под видом больных он содержал их в палатах до зимы, пока не замёрз Днепр и они смогли легко перейти на левый берег, пробираясь к фронту. Прятали в больнице и местных коммунистов, за которыми охотились гестаповцы. Позже доктор Янчевский не раз помогал молодым жителям Стеблева избавиться от отправки в Германию, выдавая им справки о мнимых болезнях. Когда однажды из гебитскомиссариата пришёл приказ вывесить в палатах портреты Гитлера, а над крышей – флаг украинских националистов, Иван Павлович громко заявил, что этого не будет, пока он жив и работает в больнице. Об отношении хирурга к оккупантам знали и полицаи, и стеблевский староста, но выдавать его гестапо они не решались – Янчевский пользовался в народе большим уважением и его арест вызвал бы всеобщее возмущение.

А Павлик тем временем, не посвящая в свои планы ни отца, ни мать, начал действовать. Сразу же после того, как немецкие войска прошли через Стеблев, он вместе со своим школьным другом несколько дней кряду переплывал Рось и уходил в густой Выграевский лес, раскинувшийся на противоположном берегу. В этом лесу наши части при отступлении дали противнику бой, и здесь остались лежать убитые н:расноармейцы. Два мальчика бродили по лесу, отыскивали тела павших бойцов и предавали их земле. Оружие погибших они собирали и вечером переправляли в Стеблев. На чердаке у Павлика теперь был склад оружия и боеприпасов, предназначавшихся для будущих партизан.

В 1942 году Павлик познакомился с инженером Проскуриным, работавшим в Стеблевском отделении Корсуньской гидроэлектростанции. Проскурин тоже мечтал о борьбе против оккупантов, и его сразу привлёк к себе этот горячий, решительный юноша. Инженер устроил Павлика на службу в отделении ГЭС, и они вместе несколько раз устраивали на станции аварии, надолго прекращая подачу энергии в

Стеблев.

Потом Павлику удалось раздобыть радиоприёмник. Он завёл себе карту, на которой ежедневно отмечал продвижение Советской Армии. Теперь в городе многим было известно действительное положение на фронтах – Павлик старался как можно шире распространить всё то, что он слышал по радио из Москвы.

Он не скрывал своего отношения к оккупантам. В Стеблеве знали, что сын врача Янчевского открыто агитирует против немцев, доказывает, что Советская Армия победит Гитлера, и зовет людей к борьбе. Даже Проскурин не раз упрекал своего молодого товарища в неосторожности. Но в ответ Павлик только посмеивался.

Местная полиция пристально следила за молодым Янчевским. Но его пока что не трогали из-за отца. Лишь однажды стеблевский староста предупредил родных Павлика, что если их сын не перестанет «вести нехорошие разговоры», ему придется плохо. Павлик не обращал внимания на эти угрозы и продолжал открыто ругать оккупантов и предсказывать их поражение.

17 июля 1943 года в отделение ГЭС явились жандармы. Павлика арестовали. Проскурин успел скрыться, но через два дня схватили и его. Павлик и инженер были замучены в гестапо

Много позже один из крестьян, которому удалось вырваться из подвалов гестапо, рассказал кое-что о последних днях Павлика Янчевского. Этого крестьянина привели на допрос, и он, ожидая своей очереди, слышал через дверь, как допрашивали Павлика. Следователь допытывался у него:

– Ты говорил, что Красная армия непобедима?

– Да, говорил! – был смелый ответ.

Тогда доносились частые глухие удары, тяжелый стон и высокий, прерывающийся голос мальчика:

– Бейте, гады, всё равно вам скоро конец. Идёт Красная армия.

Снова сыпались удары. Потом сквозь дверь слышался плеск воды, – вероятно, мальчик терял сознание, и его отливали. И опять раздавался жесткий деревянный голос следователя:

– С нем ты действовал?

– Один.

– Кто был твоим начальником?

– Я.

Мальчику сломали обе руки, вспороли живот. Он умер ещё в камере, и в яму с расстрелянными в Резаном яру его бросили уже мёртвым.

Павлина Янчевского арестовали в одно время с Марценюком. Кто знает, возможно, они провели свои последние часы в одной камере, вместе – спокойный, хладнокровный, уже проживший нелёгкую тридцатидвухлетнюю жизнь учитель и пылкий шестнадцатилетний ученик, только начинавший свой путь и уходивший из жизни, так и не узнав многих её радостей. Быть может, оба они – и учитель, и ученик – в эти последние дни жизни учились друг у друга величайшему из качеств человека – мужеству перед лицом смерти.

Через несколько дней после гибели Павлика не стало в живых и его отца. Старый врач не перенёс смерти сына, он умер от разрыва сердца, когда ему сообщили, что Павлик казнён.

Публикуется по: Смирнов, С. Сталинград на Днестре / Смирнов, С. Страницы народного подвига. – М. : «Советский писатель», 1967. – С. 396–399.